

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ
СОБЛАЗН

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ
СОБЛАЗН

Стихи

Москва
Советский писатель
1979

Р 2
В 64

В новой книге Андрея Вознесенского — произведения поэта последних лет.

Художник ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ

© Издательство «Советский писатель», 1979 г.

70402-353
В _____ БЗ-50-24-78.
083(02)-79

4702010200

ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

САГА

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично, согласно Гафизу.
Мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнутся бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

ГРЕХ

Я не стремлюсь лидировать,
где тараканы бега.
Пытаюсь реабилитировать
понятие греха.

Душевное отупение
отъевшихся кукарек —
это не преступление —
великий грех.

Когда осквернен колодец
или Феофан Грек,
это не уголовный,
а смертный грех.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Когда в твоей женщине пленной
зарезан будущий смех —
это не преступленье,
а смертный грех...

Но было б для Прометея
великим грехом — не красть.
И было б грехом смертельным
для Аннушки Керн — не пасть.

Ах, как она совершила
его на глазах у всех —
Россию заморозивший
бессмертный грех!

А гениальный грешник
пред будущим грешен был
не тем, что любил черешни,
был грешен, что — не убил.

*чувствую-
стало быть,
существоую*

СВЕТ

Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищемленного дверьми!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

АНТВЕРПЕН

Опять надстройка рождает базис.
Лифтер бормочет во сне Гельвеция.
Интеллигенция обуржуазилась.
Родилась люмпен-интеллигенция.

Есть в русском «люмпен» от слова «любят».
Как выбивались в инженера,
из инженеров выходит в люди
их бородатая детвора.

Их в институты не пустит гордость.
Там сатана правит балл тебе.
На место дворника гигантский конкурс —
музы носятся на метле!..

*чувствую-
стало быть,
существую*

Двадцатилетняя, уже кормящая,
как та княгинюшка на Руси,
русая женщина новой формации
из аспиранток ушла в такси.

Ты едешь бледная — «люминесценция»! —
по темным улицам совсем одна.
Спасибо, люмпен-интеллигенция,
что можешь счетчик открыть с нуля!

Не надо думать, что ты без сердца.
Когда проедешь свой бывший дом,
две кнопки, вдавленные над дверцами,
в волненье выпрыгнут молодом...

Тебя приветствуют, как кровники,
ангелы утренней чистоты.
Из инженеров выходят в дворники —
кому-то надо землю мести!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

МАТЬ

Охрани, Провидение, своим махом шагреневым,
пощади ее хижину —
мою мать — Вознесенскую Антонину Сергеевну,
урожденную Пастушихину.

Воробьишко серебряно пусть в окно постучится:
«Добрый день, Антонина Сергеевна,
урожденная Пастушихина!»

Дал отец ей фамилию, чтоб укутать от Времени.
Ее беды помиловали, да не все, к сожалению.

За житейские стыни, две войны и пустые деревни
родила она сына и дочку, Наталью Андреевну.

*ЧУЖЕСТВО—
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

И, зайдя за калитку, в небесах над речушкою
подарила им нитку — уток нитку жемчужную.

Ее серые взоры, круглый лоб без морщинки,
коммунальные ссоры утишали своей беззащитностью.

Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени.
Есть другие россии. Но мне эта милее.

Что наивно просила, насмотревшись по телеку:
«Чтоб тебя не убили, сын, не ездь в Америку...»

Назовите по имени веру женскую, независимую
пустынницу —
Антонину Сергеевну Вознесенскую, урожденную
Пастушихину.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЯКУТСКАЯ ЕВА

Варфоломею Тетерину

У фотографа Варфоломея
с краю льдины, у черной волны
якутянка, «моржиха», нимфея
остановлена со спины.

Кто ты, утро Варфоломея,
от которой офонарели
стенды выставки мировой?
К ледоходу от мод Москвошвея
отвернулась якутская Ева,
и, сощурясь, морщинка горела
белым крестиком над скулой.

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

Есть свобода в фигуре ухода
без всего, в пустоту полыньи.
Не удерживаю. Ты свободна.
Ты красивее со спины.

И с тех пор нетрезвевший художник
мне кричит: «Я ее не нашел!»
Бороденка его, как треножник,
расширяясь, оперлась на стол.

Каждой встреченной, женщине каждой
он кричал на пустынной земле:
«Отвернись! Я узнать тебя жажду,
чтобы крестик горел на скуле.

Синеглазых, курносых, отважных
улыбаются множество лиц.
Отвернись, я узнать тебя жажду!
Умоляю тебя, отвернись.

Отвернись от молвы и продажи
к неизведанному во мгле.
А творец видит Золушку в каждой.
Примеряет он крестик к скуле.

Отпечатана многотиражно —
как разыскивается бандит —
отвернись, я узнать тебя жажду.
Пусть прищуренный крестик горит...»

Я не слушал Варфоломея.
Что там пьяный мужик наплетет!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Но подрамник, балдея идеей,
он за мною втокнул в самолет.

Остановленное Однажды
среди мчащихся дней отрывных —
отвернись, я узнать тебя жажду!
Я забуду тебя. Отвернись.

*чувствую-
стало быть,
существую*

* * *

Я загляжусь на тебя, без ума
от ежедневных твоих сокровищ.
Плюнешь на пальцы. Ими двумя
гасишь свечу, словно бабочку ловишь.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В развалинах духа, где мысль победила,
спаси человека, нечистая сила —
народная вера цветка приворотного,
пречистая дева греха первородного.

Он звал парикмахерскую «Чародейка»,
глумился над чарами честолюбиво.
Нечистая сила, пойми человека,
оставь человека, нечистая сила!

В червовое лето, в пиковую зиму
ты в нем собеседника находила.
Сними одиночество и гордыню —
очисти человека, нечистая сила.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

СКУЛЬПТОР СВЕЧЕЙ

Скульптор свечей, я тебя больше года
вылепливал.

Ты — моя лучшая в мире свеча.
Спички потряхиваю, бренча.
Как ты пылаешь великолепно
волей создателя и палача!

Было ль, чтоб мать поджигала ребенка?
Грех работенка, а не барыш.
Разве сжигал своих детищ Коненков?
Как ты горишь!

На два часа в тебе красного воска.
Где-то у коек чужих и афиш

*ЧУВСТВУЮ-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВУЮ*

стройно вздохнут твои краткие сестры,
как ты горишь.

Как я лепил свое чудо и чадо!
Весны кадили. Капало с крыш.
Кружится разум. Это от чада.
Это от счастья, как ты горишь!

Круглые свечи. Красные сферы.
Белый фитиль незажженных светил.
Краткое время — вечная вера.
Краткое тело — черный фитиль.

«Благодарю тебя и прощаю
за кратковременность бытия,
пламя пронзающее без пощады
по позвоночнику фитиля.
Благодарю, что на миг озаримо
мною лицо твое и жилье,
если ты верно назвал свое имя,
значит, сгораю во имя Твое».

Скульптор свечей, я тебя позабуду,
скутер найму, умотаю отсюда,
свеч наштампую голый столбняк.
Кашляет ворон ручной от простуды.
Жизнь убывает, наверное, так,
как сообщающиеся сосуды,
уровень свече убывает в бутылке коньяк.

И у свечи, нелюбимой покуда,
темный нагар на реснице набряк.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПЕЙЗАЖ С ОЗЕРОМ

В часу от Рима, через времена,
растет пейзаж Сильвестра Щедрина.
В Русском музее копию сравните —
три дерева в свирельном колорите.
(Метр — ширина, да, может, жизнь — длина.)
И что-то ощущалось за обрывом —
наверно, озеро, судя по ивам.

Как разрослись страданья Щедрина!
Им оплодотворенная молитвенно,
на полулокте римская сосна
к скале прижалась, как рука с палитрой.
Машину тормозили семена.
И что-то ощущалось за обрывом —
иное озеро или страна.

*ЧУВСТВО
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

Сильвестр Щедрин был итальянский русский,
зарыт подружкой тут же под церквушкой.
Метр — ширина, смерть — как и жизнь странна.
Но два его пейзажа — здесь и дома —
стоят как растопырены ладони,
меж коими вязальщицы событий
мотают наблюдающие нити —
внимательные времена.

Куплю я нож на кнопке сицилийской,
отрежу дерна с черной сердцевиной,
чтоб, в Подмосковье пересажена,
росла трава пейзажа Щедрина.
Небесные немедленные силы
не прах, а жизнь его переносили —
жила трава в салоне у окна.

Мы вынужденно сели в Ленинграде.
«В Русский музей успею?» — «Бога ради!»
Вбежал — остолбенел у полотна.
Была в пейзаже Щедрина Сильвестра
дыра. И дуло из дыры отверстой.
Похищенные времена!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

МЕССА — 04

Отравившийся кухонным газом
вместе с нами встречал Рождество.
Мы лица не видали гаже
и синее, чем очи его.

Отравила его голубая
усыпительная струя,
душегубка домашнего рая
и дурного пошиба друга.

Отравили квартиры и жены,
что мы жизнью ничтожной зовем,
что взвивается преображенно,
подожженное божьим огнем.

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

Но струились четыре конфорки,
точно кровью дракон истекал,
к обезглавленным горлам дракона
человек втихомолку припал.

Так струится огонь Иоганна,
искушающий организм,
из надпиленных трубок органа,
когда краны открыл органист.

Находил он в отраве отраду,
думал, грязь синевой зацветет:
так в органах — как в старых ангарах —
запредельный хранится полет.

Мы ль виновны, что пламя погасло?
Тошнота остается одна.
Человек, отравившийся газом,
отказался пригубить вина.

Были танцы. Он вышел на кухню,
будто он танцевать не силен,
и глядел, как в колонке не тухнул —
умирал городской василек.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПИЕТА МИКЕЛАНДЖЕЛО

Сколько было тьмы непониманья,
чтоб ладонь прибитая Христа
протянула нам для умыванья
пригорошни, полные стыда?

И опять на непроглядных водах
стоком оскверненного пруда
лилия хватается за воздух —
как ладонь прибитая Христа.

*ЧУВСТВУЮ-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВУЮ*

**РЕПЛИКА
В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ**

Поглядишь, как несметно
разрастается зло —
слава богу, мы смертны,
не увидим всего.

Поглядишь, как несмелы
табунки васильков —
слава богу, мы смертны,
не испортим всего.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

УЕЗДНАЯ ХРОНИКА

Мы с другом шли. За вывескою «Хлеб»
ущелье дуло, как депо судеб.

Нас обступал сиропный городок.
Мой друг хромал. И пузыри земли,
я уточнил бы — пузыри асфальта,—
нам попадаясь, клянчили на банку.

«Ты помнишь Анечку-официантку?»

Я помнил. Удивленная лазурь
ее меж подавальщиц отличала.
Носила косу, говорят, свою.
Когда б не глаз цыганские фиалки,
ее бы мог писать Венецианов

*чувствую-
стало быть,
существую*

Спешила к сыну с сумками, полна
такую темно-золотою силой,
что женщины при приближенье Аньки
мужей хватали, как при крике: «Танки!»
Но иногда на зов: «Официантка!» —
она душою оцепеневала,
как бы иные слыша позывные,
и, вострепнувшись, шла: «Спешу! Спешу!»

Я помнил Анечку-официантку,
что не меня, а друга целовала
и в деревянном домике жила
(как раньше вся Россия, без удобств).
Спешила вечно к сыну. Сын однажды
ее встречал. На нас комплексовал.
К ней, как вьюнок белесый, присосался.
Потом из кухни в зеркало следил
и делал вид, что учит «Песни» Данте.

«Ты помнишь Анечку-официантку?
Ее убил из-за валюты сын.
Одна коса от Анечки осталась».

Так вот куда ты, милая, спешила!

«Он бил ее в постели, молотком,
вьюночек, малолетний сутенер,—
у друга на ветру блеснули зубы.—
Был труп утоплен в яме выгребной,
как грешница в аду. Старик, Шекспир...»

Она летела над ночной землей.
Она кричала: «Мальчик потерялся!»

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Заглядывала форточкой в дома,
«Невинен он,— кричала,— я сама
ударилась! Сметана за окошком.
Проголодался? Мальчика не вижу!» —
И безнадежно отжимала жижу.

И с круглым люком мерзкая доска
скользила нимбом, как доска иконы.
Нет низкого для божьей чистоты!

«Ее пришел весь город хоронить.
Гадали — кто? Его подозревали.
Ему сказали: «Поцелуй хоть мать».
Он отказался. Тут и раскололи.
Но не назвал сообщников, дебил».
Сказал я другу: «Это ты убил».

Ты утонула в наших головах
меж новостей и скучных анекдотов.
Не существует рая или ада.
Ты стала мыслью. Кто же ты теперь
в той новой, ирреальной иерархии —
клочок Ничто? тычиночка тоски?
Приливы беспокойства пред туманом?
Куда спешишь, гонимая причиной,
необъяснимой нам? зовешь куда?

Прости, что без нужды тебя тревожу.
В том океане, где отсчета нет,
ты вряд ли помнишь 30—40 лет,
субстанцию людей провинциальных
и на кольце свои инициалы?

*ЧУВСТВО
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

Но вдруг ты смутно вспомнишь зовы эти
и на мгновение оцепеневаешь,
расслышав фразу на одной планете:
«Ты помнишь Анечку-официантку?»

Гуляет ветер судеб, судебный ветер.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

В пору, когда зацветает акация —
желтых измен семена неблагогие,—
сердце сжимается, как от локации.
Это душевная аллергия.

В пору, когда отцветает провинция
белой пылью под строительной гирей,
я одобряю прораба провиденья,
но у меня на него аллергия.

Речи ли в клубе эрзацные слушаю,
или брожу почерневшею чащею,
или с холма загляжусь на цветущую
наших полей перспективу щемящую,—

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

будто вдыхаю на косогоре
чьему-то ребенку грозящее горе.

Олигофрены цветут на плантациях.
В воздухе носятся мысли такие,
что если бы воздухом этим питаться,
была бы у ангелов аллергия.

В пору, когда отцветает религия,
свадьбы летят — одуванчики Пасхи.
Религиозная аллергия
с платья трилистничком осыпается...

Не отцветай, моя тайная Муза!
Так же врасплох, как и в пору Вергилия,
ты прибегаешь, целебно-дремуча!
Это предчувствует аллергия.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ШКОЛЬНИК

Твой кумир тебя взял на премьеру.
И Любимов — Ромео!
И плечо твое онемело
от присутствия слева.

Что-то будет! Когда бы час пробил,
жизнь ты б отдал с восторгом
за омытый сиянием профиль
в темноте над толстовкой.

Вдруг любимовская рапира —
повезло тебе, крестник! —
обломившись, со сцены влепилась
в ручку вашего кресла,

*ЧУВСТВО—
СТАЛО БЫТЬ.
СУЩЕСТВО*

Стало жутко и весело стало
от такого события!
Ты кусок неразгаданной стали
взял губами, забывшись.

«Как люблю вас, Борис Леонидович! —
думал ты,— повезло мне родиться.
Моя жизнь передачей больничною,
может, вам пригодится...»

Распрямись, мое детство согбенное.
Детство. Самозабвенье.
И пророческая рапира.
И такая Россия!..

Через год пролетал он над нами
в белом гробе на фоне небес,
будто в лодке — откинутый навзничь,
взявший весла на грудь — гребец.

Это было не погребенье.
Была воля небесная скул.
Был над родиной выдох гребельный —
он по ней слишком сильно вздохнул.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЧАСТНОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти Р. Лоуэлла

Ты проходил переделкинскою калиткой,
голову набок, щекою прижавшись к плечу —
как прижимал недоступную зрению скрипку.
Скрипка пропала. Слушать хочу!

В домик Петра ты вступал близоруко.
Там на двух метрах зарубка, как от топора.
Встал ты примериться под зарубку —
встал в пустоту, что осталась от роста Петра.

Ах, как звенит пустота вместо бывшего тела!
Новая тень под зарубкой стоит.
Клены на кладбище облетели.
И недоступная скрипка кричит.

*ЧУВСТВО
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

В чаще затеряно частное кладбище.
Мать и отец твои. Где же здесь ты?..
Будто из книги вынули вкладыши,
и невозможно страничку найти.

Как тебе, Роберт, в новой пустыне?
Частное кладбище носим в себе.
Пестик тоски в мировой пустоте,
мчащийся мимо, как тебе имя?
Прежнее имя как платье лежит на плите.

Вот ты и вырвался из лабиринта.
Что тебе, тень, под зарубкой в избе?
Я принесу пастернаковскую рябину.
Но и она не поможет тебе.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЧАСЫ ПОСЕЩЕНИЯ

Б. С.

Привинченный к полу,
за третьей дверью,
под присмотром
бодрствующих старух —
непоправимая наша вера,
пленный томится
Дух.

Самые бронированные —
самые ранимые —
самые спокойные
напоказ...
Вынуты из раковины
две непоправимые

*ицвствцго-
стало бьтъ,
сцществцго*

замученные
жемчужины
серых глаз.

Всем дававший помощь,
а сам беспомощный,
как шагал уверенно в ресторан!..
То, что нам казалось
железобетонищем,
оказалось коркою
свежих ран.

Лежит дух мужчины на казенной
простыне,
внутренняя рана —
чем он был, оказывается...
Ему фрукты носят,
как прощенья просят.

Он отказывается.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ТРАВМАТОЛОГИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

Не «Отче наш», не обида, не ужас
сквозь мостовую и стужу ночную,
первое, что осенило, очнувшись:
«Чувствую — стало быть, существую».

А в коридоре больничном, как в пристани,
не протестуя, по два на стуле,
тесно сидели суровые истины —
«Чувствую — стало быть, существую».

Боли рассказывают друг другу.
«Мать,— говорю,— подверни полотенце».
Нянчит старуха кормилицу-руку,
словно спеленатого младенца.

*ЧУВСТВУЮ-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВУЮ*

Я за тобою, мать малолетняя,
я за тобой, обожженец вчистую.
Я не последний, увы, не последний...
Чувствую — стало быть, существую.

«Сын,— утешают,— ключица не бознать что...»
Звякнут прибывшему термосом с чаем.
Тоже обходятся без обезболивающего.
Так существуем, так ощущаем.

Это впадает народное чувство
из каждодневной стихии — в другую...
Этого не рассказал Заратустра —
«Чувствую — стало быть, существую».

Пусть ты расшибся, завтра из гипса
слушая первую птицу земную,
ты понимаешь, что не ошибся —
чувствую — стало быть, существую!

Ты подойдешь для других незаметно.
Как ты узнала в разлуку такую?
Я поднимусь — уступлю тебе место.
Чувствую — стало быть, существую.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

СТРОИТЕЛИ

Я спустился с ними
чащобой девственной
вниз от пилорамы
верст на сто —
пилигримы места, времени и действия —
«где-когда-что?».

По святым местам
великого Илима,
временем единственным,
данным нам,
рубят коровники
злые пилигримы —
так истосковались по святым делам!

*ицвствцго-
стало збѣтъ,
сцщсствцго*

По дороге пили,
подбивали башли.
Но остались срубы
сиять, как храм.
Чистота прикидывается
шабашником,
так истосковалась
по святым делам.

Мученик Серега
спозаранку бледен,
он по делу этому ветеран.
Перебраться по бревнышку
всю Россию бредит,
так истосковался по делам.

По пути прочистили
гибнущее озеро.
Для души —
заплатит товарищ волк!
Шестеро паломников
дипломы бросили —
так образовался
«инженерский полк».

Что-то покосился
берег у Илима?
Скомкана полсотенная в плаще.
И уйдут
транзисторные пилигримы
с «Лунною сонатою»
на плече.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ГИБЕЛЬ ОЛЕНЯ

Меня, оленя, комары задрали.
Мне в Лену не нырнуть с обрыва на заре.
Многоэтажный гнус сплотился над ноздрями —
комар на комаре.

Оставьте кровь во мне — колени остывают.
Я волка забивал в разгневанной игре.
Комар из комара сосет через товарища,
комар на комаре.

Спаси меня, якут! Я донор миллионов.
Как я не придавал значения муре!
В июльском мареве малинового звона
комар на комаре.

*ЧУВСТВУЮ—
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВУЮ*

Я тыщи их давил, но гнус бессмертен, лютой.
Я слышу через сон — покинувши меня,
над тундрой звеня, летит, налившись клюквой,
кровиночка моя.

Она гудит в ночи трассирующей каплей
от порта Анадырь до Карских островов.
Открою рот завывать — вцепилась в глотку кляпом
орава комаров.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

РИМСКАЯ РАСПРОДАЖА

Нам аукнутся со звоном
эти несколько минут —
с молотка аукциона
письма Пушкина идут.

Кипарисовый Кипренский...
И, капризной мотылька,
болдинский набросок женский
ожидает молотка.

Ожидает крика «Продано!»
римская наследница,
а музеи милой родины
не мычат, не телятся,

*чувствую-
стало быть,
существую*

Неужели не застонешь,
дом далекий и река,
как прижался твой найденыш,
ожидая молотка?

И пока еще по дереву
не ударит молоток,
он на выручку надеется,
оторвавшийся листок!

Боже! Лепестки России...
Через несколько минут,
как жемчужную рабыню,
ножку Пушкина возьмут.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

РУКОПИСЬ

В Северяниной-Коренди

Подайте искристого
к баранине.
Подайте счет.
И для мисс —
цветы.
Подайте Игоря Северянина!
Приносят выцветшие листы.

Подайте родину
тому ревнителю,
что эти рукописи хранил.
Давно повывелись
в миру чернильницы
и нет лиловых

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

навзрыд
чернил.

Подайте позднюю
надежду памяти —
как консервированную сирень, —
где и поныне
блатные Бальмонты
поют над сумерком деревень.

Странна «поэзия российской пошлости»,
но нету повестей
печальней сих,
какими родина
платила пошрины
за вкус
Бакуниных и Толстых.

Поэт стареющий
в Териоках
на радость детям
дремал, как Вий.
Лицо — в морщинах,
таких глубоких,
что, усмехаясь,
он мух
давил...

Поэт, спасибо
за юность мамину,
за чувство родины,

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

за розы в гроб,
за запоздалое подаяние,
за эту исповедь —
избави бог!

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

ДРУГУ

Душа — это сквозняк пространства
меж мертвой и живой отчизн.
Не думай, что бывает жизнь напрасной,
как будто есть удавленная жизнь.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Знай свое место, красивая рвань,
хиппи протеста!
В двери чуланные барабань,
знай свое место.

Я безобразить тебе запретил.
Пьешь мне в отместку.
Место твое меж икон и светил.
Знай свое место.

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

РИМСКИЙ ВОДИТЕЛЬ

Я впрыгнул в грузовик на римском побережии.
Шофер длинноволос, совсем еще дитя.
На лобовом стекле — изображение Цезаря.
Садясь, я произнес: «Приветствую тебя!»

Что знаешь ты, пацан, о Цезаре по сути?
Что значит талисман? Что молодость слепа?
Темнело. По пути мы брали голосующих.
И каждый говорил: «Приветствую тебя».

«Приветствую тебя», — леса голосовали.
И сотни новых рук хватались за борта.
И памятники к нам тянулись с пьедестала.
«Убитые тобой приветствуют тебя».

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

А Цезарь пролетал, глаза от ветра сузив.
Что ты творишь, пацан, срывая скоростя?
Их всех не уместить в твой пятитонный кузов.
Убитые тобой преследуют тебя.

Отец твой из земли привстал благоговейно.
Сидело за рулем убитое дитя.
И хор перерастал в иные поколенья:
«Убитые собой приветствуют тебя».

*ЧУВСТВУЮ-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВУЮ*

СОБЛАЗН

Человек — не в разгадке плазмы,
а в загадке соблазна.

Кто ушел соблазненный за реки,
так, что мир до сих пор в слезах,—
сбросив избы, как телогрейки,
с паклей вырванною в пазах?

Почему тебя областная
неказистая колея
не познанием соблазняя,
а непознанным увела?

Почему душа ночевала
с рощей, ждущею топора,

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

что дрожит, как в опочивальне
у возлюбленной зеркала?

Соблазненный землей нележкой,
что нельзя назвать образцом,
я тебе не отвечу логикой,
просто выдохну: соблазнен.

Я Великую Грязь облазил,
и блатных, и святую чернь,
их подсвечивала алмазно
соблазнительница-речь.

Почему же меня прельщают
Музы веры и лебеды,
у которых мрак за плечами
и еще черней — впереди?

Почему, побеждая разум —
гибель слаще, чем барыши,—
соблазнитель крестообразно
дал соблазн спасенья души?

Почему он к тоске тернистой
отвернулся от тех, кто любил,
чтоб распятого жест материнский
их собой, как детей, заслонил?

Среди ангелов-миллионов,
даже если жизнь не сбылась,—
соболезнуй несоблазненным.
Человека создал соблазн.

*ЧУВСТВО
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

ОДА ОДЕЖДЕ

Первый бунт против Бога — одежда.
Голый, созданный в холоде леса,
поправляя Создателя дерзко,
вдруг — оделся.

Подрывание строя — одежда,
когда жердеобразный чудак
каждодневно
желтой кофты вывешивал флаг.

В чем великие джинсы повинны?
В вечном споре низов и верхов —
тела нижняя половина
торжествует над ложью умов.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

И, плечами пожав, Слава Зайцев,
чтобы легче дышать или плакать,—
декольте на груди вырезает,
вниз углом, как арбузную мякоть.

Ты дыши нестесненно и смело,
очертаньями хороша,
содержанье одежды — тело,
содержание тела — душа.

*ЧУВСТВО
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

**ГРАФА РЕЗАНОВА
ИЗ ОПЕРЫ «ЮНОНА И АВОСЬ»**

И в моей стране и в твоей стране
до рассвета спят — не спина к спине.

И одна луна, золота вдвойне,
и в твоей стране и в моей стране.

И в одной цене, — ни за что, за так,
для тебя — восход, для меня — закат.

И предутренный холодок в окне
не в твоей вине, не в моей вине.

И в твоём вранье и в моём вранье
есть любовь и боль по родной стране...

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЗВЕЗДА НАД МИХАЙЛОВСКИМ

Поэт не имеет опалы,
спокоен к награде любой.
Звезда не имеет оправы
ни черной, ни золотой.

Звезду не убить каменюгами,
ни точным прицелом наград.
Он примет удар камер-юнкерства,
посетует, что маловат.

Важны не хула или слава,
а есть в нем музѣйка иль нет.
Опальны земные державы,
когда отвернется поэт.

*чувство-
стало быть,
существо*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗЕМНОМ ПРИТЯЖЕНИИ

Скоропортящиеся поэты!
Успейте сказать, пока помните это.
Рисуйте, художники, денно и ночью,
руки напряженье под ноющей тяжестью ноши.

Снимайте, киношники, ночью и денно
падение плодов в измерении том,
где, тяготы уравновесив, младенец
оттягивал чаши
земных полновесных мадонн.

Спешите вдыхать дефицит кислорода!
Листву в целлофан человек обернет
и будет, как из персональной коровы,
из липки под вечер доить кислород.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Как им тяжело в невесомой свободе!
Счастливчик чугунную гирю найдет, точно грех.
В ней будет запаян последний глоток кислорода.
Он вскроет и выпьет ее, как орех.

И он ощутит позабытую сладкую тяжесть,
как ноша ягненка вздымает орла.
Он женщине про беспокойство расскажет.
И женщина скажет ему:
«Тяжела».

*чувство-
стало быть,
существо*

ЛЕСНАЯ МУЗЫКА

Пасечник нашего лета
вынет из шумного улья
соты, как будто кассеты
с музыкою июля.

Смилуйся, государыня скрипка,
и не казни красотою
мяты и царского скипетра
перед разлукой такою!

Смилуйся, государыня родина,
выполни самую малость,
пусть под жилыми коробками —
но чтобы людям осталась!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Смилуйся, государыня совесть,
спрячься на грудь мне как страус.
Пой сколько хочешь про Сольвейг,
но чтобы после осталась.

*ЧУВСТВО-
СТАЛО БЫТЬ,
СУЩЕСТВО*

ФАРЫ ДАЛЬНОГО СВЕТА

Если жизнь облыжная вас не дарит дланями —
помогите ближнему, помогите дальнему!

Помогите встречному, все равно чем именно.
Подвезите женщину — не скажите имени.

Не ищите в Библии утешенья книжного.
Отомстите гибели — помогите ближнему.

В жизни чувства сближены, будто сучья яблони,
покачаешь нижние — отзовутся дальние.

Пусть навстречу женщине, что вам грусть доставила,
улыбнутся ближние, улыбнутся дальние.

У души обиженной есть отрада тайная:
как чему-то ближнему, улыбнуться — дальнему...

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПОЧЕМУ...

Почему два великих поэта,
проповедники вечной любви,
не мигают, как два пистолета?
Рифмы дружат, а люди — увы...

Почему два великих народа
холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны — увы...

Две страны, две ладони тяжелые,
предназначенные любви,
обхватившие в ужасе голову
черт те что натворившей Земли!

**ТАКОЕ ЖЕ—
И ВСЕ ДРУГОЕ**

ТЫКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

АВТОЛИТОГРАФИЯ

На обратной стороне Земли,
как предполагают, в год Змеи,
в частной типографийке в Лонг-Айленде
у хозяйки домика и рифа
я печатал автолитографии,
за станком, с семи и до семи.
После нанесенья изошрифта
два немногословные Сизифа —
Вечности джинсовые связисты —
уносили трехпудовый камень.
Амен.

Прилетал я каждую субботу.
В итальянском литографском камне
я врезал шрифтом наоборотным

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

«Аз» и «Твердь», как принято веками,
верность контролируя в зеркало.
«Тьма-тьма-тьма» — врезал я по овалу,
«тьматьматьма» — пока не проступало:
«мать-мать-мать». Жизнь обретала речь.
После оттиска оригинала
(чтобы уникальность уберечь)
два Сизифа, следуя тарифу,
разбивали литографский камень.
Амен.

Что же отпечаталось в сознание?
Память пальцев, и тоска другая,
будто внял я неба содроганье
или горних ангелов полет,
будто перестал быть чужестранен.
Мне открылось, как страна живет —
мать кормила, руль не выпуская,
тайная Америки святая,
и не всякий песнь ее поймет.
Черные грузили лед и пламень.
У обеих океанских вод
США к утру сушили плавки,
а Иешуа бензозаправки
на дороге разводил руками.

И конквистадор иного свойства,
Петр Великий иль тоскливый Каин,
в километре над Петрозаводском
выбирал столицу или гавань...
Истина прощалась с метафизикой.

ТАКОВ ЖЕ- И ВСЕ ДРУГОЕ

Я люблю Америку созданья,
где снимают в Хьюстоне Сизифы
с сердца человеческого камень.
Амен.

Не понять Америку с визитом
праздным рифмолетом назиданья,
лишь поймет сообщник созиданья,
с кем преломят бутерброд с вязигой
вечности усталые Сизифы,
когда в руки вьелся общий камень.
Амен.

Ни одно- и ни многоэтажным
я туристом не был. Я работал.
Боб Раушенберг, отец поп-арта,
на плечах с живой лисой захаживал,
утопая в алом зоопарке.
Я работал. Солнце заходило.
Я мешал оранжевый в белила.
Автолитографии теплели.
Как же совершилось преступленье?
Камень уничтожен, к сожаленью.
Утром, нумеруя отпечаток,
я заметил в нем — как крыл зачаток, —
оттиск смеха, профиль мотыльковый,
лоб и нос, похожие на мамин.
Может, воздух так сложился в складки?
Или мысль блуждающая чья-то?
Или дикий ангел бестолковый
зазевался — и попал под камень...
Амен.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Что же отпечталось в хозяйке?
Тень укора, бегство из Испании,
тайная улыбка испытаний,
водяная, как узор Гознака.
Что же отпечталось во мне?
Честолюбье стать вторым Гонзаго?
Что же отпечталось извне?

Что же отпечатается в памяти
матери моей на Юго-Западе?
Что же отпечатает прибор?
Ритм веков и порванный «Плейбой»?
Что запомнят сизые Сизифы,
покидая возраст допризывный?
Что заговорит в Раушенберге?
«Вещь для хора и ракушек пеня»?
Что же в океане отпечталось?
Я не знаю. Это знает атлас.
Что-то сохраняется на дне —
связь времен, первопечаль какая-то...
Все, что помню — как вы угадаете, —
только типографийку в Лонг-Айленде,
риф, и исчезающий за ним
ангел повторяет профиль мамин.
И с души отваливает камень.
Аминь.

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

* * *

Я год не виделся с тобою.
Такое же все — и другое.

Волнение и все другое
такое же — и все другое.

Расспросов карие укоры —
такое же — и все другое.

Лицо у зеркала умою —
такое же — и все другое.

Окно, покрашенное мною,
такое же — и все другое.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Прогонят стадо к водопою
такое же — и все другое.

Ночное небо, как при Ное,
такое же — и все иное.

Ты — жизнь! Приблизись — окажешься
ты неожиданно такая же.

ЧУКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

НЫРОК

Утица, сбита камнем туриста,
билась в волне.
На руки взял я строптивую птицу.
«Что же творится?» — подумалось мне.

С ношею шел я в ночи и позоре.
Мне попадались стада и дома.
Их ли вина, что на нервах мозоли?
«Что же творится?» — не шло из ума.

Клювом исколот я был, как Рахметов.
Теплая тяжесть жалась к душе.
Было до города пять километров.
Фельдшер жила на втором этаже.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Вдруг я узнал в незнакомой квартире
каждую комнату, как укор.
Прошлой зимою тебя прихватило.
Тебя приводил я сюда на укол.

Та же в дверях фельдшерица со шприцем.
Та же подушка в разбитом окне.
Я, как убийца, протягивал птицу.
«Что же творится?» — думалось мне.

ТЫКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

ЖИЗНЬ

Я ошибся, вписав тебя ангелам в ведомость.
Только мы с тобой знаем — из какой ты шкалы.
И за это твоя дальнбойная ненависть
меня сбросила со скалы.

Это теоретически невозможно.
Только мы с тобой знаем — спасибо тебе,—
как колеса мои превратились в восьмерки,
как злорадна усмешка у тебя на губе.

Только мы с тобой знаем: в моих новых расплатах
(я не зря подарил тебе малахит) —
есть отлив твоего лилового взгляда.
Что ж, валяй! Я прикинусь, что я мазохист.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

И за это за все — как казнят чернокнижницу —
привезу тебя к утреннему крыльцу,
погляжу в дорогие глаза злоумышленницы,
на прощанье губами перекрещу.

ТЫКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

ОПЕРАЦИЯ

М. Роцину

Сердце русского драматурга
держат хьюстонские врачи —
словно вынуто из шкатулки
содроганье живой воды.

Да спасет тебя, Миша, сила
бескорыстнейших рук земных
и небесные Михаилы
из медвежьих углов лесных...

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ДАР

Поставь в стакан замедленную астру,
где к сердцевине лепестки струятся —
как будто золотые астронавты
слетелись одновременно питаться.

ТЫКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Незнакомая, простоволосая,
застучала под утро в стекло.
К телефону без голоса бросилась.
Было тело его тяжело.

Мы тащили его на носилках,
угол лестницы одолев.
Хоть душа упиралась — насильно
мы толкнули его в драндулет.

Перед третьими петухами,
на исходе вторых петухов,
чтоб сознание не затухало,
словно «выход» зажегся восход.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Как божественно жить, как нелепо!
С неба хлопья намокшие шли.
Они были темнее, чем небо,
и светлели на фоне земли.

Что ты видел, летя в этой скорби,
сквозь поломанный зимний жасмин?
Увезли его в город на «скорой».
Но душа не отправилась с ним.

Она пела, к стенам припадала,
во вселенском сиротстве малыш.
Вдруг опомнилась — затрепетала,
догнала его у Мытищ.

ЧУЖОЕ ЖЕ- И ВСЕ ДРУГОЕ

* * *

Когда написал он Вяземскому
с искренностью пугавшей:
«Поэзия выше нравственности»,
читается — «выше вашей»!

И Блок в гробовой рубашке
уже стоял у порога
в ирреальную иерархию,
где бог — в предвкушенье Бога.

Тот бог, которого чувствуем
мы нашей людской вселенной,
пред богом иным в предчувствии
становится на колени.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Как мало меж званых избранных,
и нравственно и душевно,
как мало меж избранных искренних,
а в искренних — предвкушенья!

Работающий затворником
поэт отрешен от праха,
но поэт, что работает дворником,
выше по иерархии!

Розу люблю иранскую,
но синенький можжевельник
мне ближе по иерархии
за то, что цвeсть тяжелее.

А вы, кто перстами праздными
поэзии лезет в раны,—
вы прежде всего безнравственны,
поэтому и бездарны.

ТЫКОВ ЖЕ- И ВОЕ ДРУГОВ

* * *

Снимите личины, статисты речистые —
пречистого знамени слуги нечистые!
Во имя чего заклинанья «во имя» —
во имя добра с сундуками своими?
Терзают природу во имя науки
пречистого Разума грязные руки.
И мучают слух второгодники школы
Греча, Булгарина и Шишкова.
Очнитесь, взгляните хотя бы на численник,
пречистого Пушкина стражи нечистые...
Да если бы Пушкин, кем нынче божитесь,
явился бы к вам, второгодники-витязи,
кому б он поведал строфу заповедную?
Конечно, не с вами б он был, а с поэтами...

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЦВЕТЫ НА СТВОЛЕ

Как я всегда жалею
эти цветы без веток —
ствол обхватив за шею,
чтоб не сорвало ветром!

Эти цветы-ошейники
так и не разовьются.
Есть в них черты отшельников
даже среди многолюдства.

Есть в них укор внимательный,
детская, что ли, старость?
Смерть — преступленье матери,
если дитя осталось.

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

Что ты, дитя приюта?
Выплакалась, не надо...
Матери — иуды.
Тернии интернатов.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

«КОШКИН ЛАЗ» — ЦЕЗАРЬ-ПАЛАС

Зеркало над казино — как наблюдающий разум,
купольное Оно.

Ход в зазеркалье ведет, называемый «кошкиным лазом».
«Людам воспрещено!»

По Зазеркалью иду (Пыль. Сторожа с автоматами) —
как по прозрачному льду... Снизу играет толпа.
Вижу затылки людей, словно булжники матовые.
Сверху лица не видать — разве кто навзничь упал.

По Зазеркалью ведет Вергилий второй эмиграции.
Вижу родных под собой, сестру при настольном огне.
Вижу себя под собой, на повышенье играющего.
Сколько им ни кричу — лиц не подымут ко мне.

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

Вижу другую толпу,—уже не под автоматами —
мартовский взор опустив, вижу другое крыльцо,
где над понурой толпой ясно лежала Ахматова,
небу открывши лицо.

О, подымите лицо, только при жизни, раз в век хоть,
небу откройте лицо для голубого незла!
Это я знаю одно. И позабудьте Лас-Вегас.
Нам в Зазеркалье нельзя.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

РИФМО-ГЕКСАМЕТРЫ

1

«Жемчуг в разлуке умрет — его умертвляет шкатулка». (Из Катулла)
«Гений — наоборот! — в тюрьме огражден от халтуры». (Цезарь — Катуллу)
«Цезарь в Катулле живет». (Геродот)

2

Восстанови Карфаген.
Не полемизируй с орущим.
Пусть он еще не разрушен,
молча зажги автоген.
Восстанови Карфаген.

ТАКОВ ЖЕ — И ВСЕ ДРУГОЕ

3

Не оскверняйте святынь,
тех, что не в прошлом, а ныне.
Хрупки живые святыни,
гипс в них еще не застыл.
Вам не убить Паганини!
Ждут поколенья иные —
не оскверняйте святынь.

4

«МУЗЫКИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!»

Ногу обнял футболист,
как напряженную цитру,
мышца гуляет по ней,
словно по телу ладонь.
В теле, пока молодом,
музыка ненасытна.
Музыкой сердце болит.

5

Третьего не дано.
Или ты — черевичный сапожник,
или ты — чечевичный художник,
гений или дерьмо.

6

Не унижайтесь до слов
против брани недопустимой.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Вдруг набегут филистимляне?
Не обижайте ослов.

7

мидии

Раковины черны —
как края граммофонных пластинок.
Ты, засучивши штаны,
мидий ведро набери.
Черная музыка сфер — Бетховены и Робертино.
Вкусен из музыки суп!

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

ТЕТКА МЭРИ

Тетку в шубке знал весь городок.
Она в детстве нас пугала ссыльными.
Тетя крест носила и свисток,
чтобы вдруг ее не изнасиловали.
Годы шли. Ее не изнасиловали.
Не узнала, как свистит свисток!
И ее и шубы срок истек.
Продали каракуль черносливный,
где, как костка, продран локоток.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Зачем из Риги плывут миноги
к брегам Канады, в край прародителей?
Не надо улиц переименовывать.
Постройте новые и назовите.

Здесь жили люди. И в каждом — чудо.
А вдруг вернуться, вспомнив Неву?
Я никогда Тебя не забуду.
Вернее — временно, пока живу.

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

БЫТ

Виснут шнурами вечными
лампочки под потолком.
И только поэт подвешен
на белом нерве спинном.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПОМИНКИ С СЕНАТОРОМ

Отпевали сенатора ХХ¹,
отпевали еще живого.
Тыща долларов за тарелку.
И виновнику дали слово.

Ухватясь за свои тарелки,
мы слетались на отпеванье,
постарев, опустив гляделки —
ненасытные упованья!

Он замученно улыбался,
тезка хохмы и тезка века,

¹ Сенатор Хьюберт Хэмфри был известен в Америке под инициалами ХХ. Друзья, зная о его смертельной болезни, устроили званый ужин — прощание с ним.

ТАКОЕ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

как подтаявший ком лобастого
и готового рухнуть снега.

Была слава ему догробна,
вез его самолет престижно,
но худел на глазах сугробик,
называемый просто жизнью.

Я подумал о жизни этой,
что не знает границ и платьев,
шел другой сенатор, отпетый,
заслоненный от пули братьями.

До свидания, век XX-й,
до свиданья, сугробик вешний,
до свиданья, разбег досадный,
двухкрестовый аллюр обещанный.
Отпевает нас Фрэнк Синатра.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПРОЩАНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ

Вода в бензиновых разводах,
венецианские потемки,
и арок стрельчатые своды
сродни гусиным перепонкам.
Я не разгадывал кроссворды.

Дорога до аэродрома
в моторной лодке проходила.
Во всем тревожило огромно
наличие этой третьей силы.
Чей труп распухший под паромом?

Кого убила ты, Венеция?
В свиданье с другом через годы,

ЧЛКОВ ЖЕ— И ВСЕ ДРУГОЕ

во всем — свинцовое неведение
воды и гибельной свободы.
Какое вечное невечное!

Ступни гусиные показывая
пред прибывающей водою, —
Венеция? —
Царица Савская
поддерживает подолы.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЛЕСНАЯ МАЛИЦА

Мало я в жизни успел быстротечной.
Мало любил вас, друзья и красавицы.
Мало я пил из вас, русские малицы —
эти источники чистосердечные.

Чистосердечна, чистосердечна
эта ладошка воды под обрывом.
Чистосердечная соотечественница,
роща с тобой не договорила.

С чистосердечной этой печалью
быстро снуют паутинки пространства,
что-то к одежде твоей пришивая,
в тайной надежде с тобой не расстаться.

МИЛОСТЫНЯ
МИРОЗДАНЬЯ

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ВЕРБА

Прорвавшись сквозь рынки — весенняя, вербная —
звонит деревенская интервенция!

В квартире царит незаконная ветка —
с победой, зеленая интервентка!

И пахнет грозой огуречная кожаца,
очищена — тоненькая, как трешница.

И заново верится, и взвинчены женщины,
в умах — интервенция деревенщиков...

Да это же вербное воскресение!
Обещано счастье в конце третьей серии,

и нас не смущает, что фильм двухсерийный...
Ну, нет — так накупим ташкентской сирени.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПАРОХОД ВЛЮБЛЕННЫХ

Пароход прогулочный вышел на свиданье
с голою водой.

Пароход работает белыми винтами.
Ни души на палубе золотой.

Пароход работает в день три смены.
Пассажиры спрятались от шума дня.
Встретили студенты под аплодисменты
режиссера модного с дамами двумя.

«С кем сменю каюту?» — барабанят дерзко.
Старый барабанщик, чур не спать!
У такси бывает два кольца на дверцах,
а у олимпийцев их бывает пять.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

Пароход воротится в порт, устав винтами.
Задержись, любимый, на пять минут!
Пароход свиданий не ждут с цветами.
На молу с дубиной родственники ждут.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

• • •

За спиною шумит не Калинин, а Тверь.
Мы с тобою стоим над могилой твоей.

Я тебя обниму. Я ревную к нему,
кто цилиндром черкнул по лицу твоему.

Молодая спина, соловьиная речь —
как накидки, поэтов снимавшая с плеч!

Ты меня на прощанье собой обучи.
Не забудь только снять с зажиганья ключи.

А то впрыгнет в машину, умчит на лету,
точно дверцу, могильную хлопнув плиту.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ДУМАЙТЕ ПОСТУПКАМИ

Не хватает жизни,
чтобы жизнь обдумать.
Вывод афоризма —
головой об тумбу?
Думайте поступками,
думайте разлуками,
дудками пастушьими,
встречами разутыми,
в поезде камышинском
думайте платформами,
станьте злоумышленниками
чудотворными!
Гениальней саженец,
чем идея саженца.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

На случайной станции,
побледнев, высаживайтесь.
Помните, события —
это мысли жизни.
Мысль моя забытая,
ты вбежала сызнова.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

ЧУДО

Обижая век промышленный
старомодностью красот,
чудотворный злоумышленник
непонятное поет.

Он садится за рояли,
как незрячий массажист,
чтобы пальцы возвращали
к жизни музыку и жизнь.

Он смущает городами,
что остались под водой,
убиенными садами
под людскою слепотой.

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

СОБЛАЗН

**В нем непонятое Время,
когда будет тяжело,
христианскою сиренью
освежит твое чело.**

**Чудотворный злоумышленник
не исправит никого.
Благодарные булыжники
пролетают сквозь него.**

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ЧАРЫ ЧАПЛИНА

Как жужжали по-над миром
усики под котелком —
точно шмель, неуловимый
черным мчащимся сачком.

Эта жалящая музыка
над облавами земель,
нападающие усики
беззащитностью своей!

Хохот слезы утирает.
Убирают реквизит.
Шмель эпохи умирает,
кверху лапками лежит.
Воры с телом удирают,
вечно музыка звенит.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ОТКРЫТКА

Я не приеду к тебе на премьеру —
видеть, как пристальная толпа,
словно брезгливый портной на примерке,
вертит тебя, раздевает тебя.

В этом есть что-то от общей молельни.
Потность хлопков.
Ну, а потом в вашей плюшевой мебели
много клопов.

Не призываю питаться акридами.
Но нагишом алым ломам в клешню?!
Я ненавижу в тебе актрису.
Чтоб ты прикрылась, корзину пришлю.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

СТАНСЫ

Вы мне читаете, притворщик,
свои стихи в порядке бреда.
Вы режиссер, Юрий Петрович,
но я люблю вас как поэта.

Когда актеры, грим оттерши,
выходят, истину отведав,
вы — божьей милостью актеры,
но я люблю вас как поэтов.

Десятилетнюю традицию
уже не назовете модой.
Не сберегли мы наши лица,
для драки требуются морды.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Учи нас тангенсам-котангенсам,
таганская десятилетка.
Сегодня зрители Таганки
по совокупности — поэты.

Но мне иное время помнится,
когда крылатей серафимов
ко мне в елоховскую комнатку
явился кожаный Любимов.

Та куртка черная была
с каким-то огненным подбоем,
как у кузнечика крыла.
Нам было молодо обоим.

Юрий Петрович, с этих крыл
той осени, отрясшей ризы,
уже угадывался стиль
таганского юр-реализма...,

Затеряны среди молвы,
мы с вами встретились в Германии.
Отсюда луковки Москвы
мерцают, как часы карманные.

Отсюда дрянь не различим.
Зато яснее достоверное.
Облокотившись на Берлин,
всю ночь читаешь Достоевского.

Ну почему, ну почему
мы близких знаем в отдаленье

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

и доверяемся уму,
пока тоска не одолеет?!..

Вы помните двух дураков,
обнявшихся на подоконнике?
Их эхо, душу уколов,
за нами следует вдогонку.

То эхо страшно потерять.
Но не дождутся, чтобы где-то
во мне зарезали театр,
а в вас угробили поэта.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЕЛКА

Елка упала всеми подолами,
в радуге лампочек в доме чужом.
Елка хмельная уставилась с полу,
ноги закинув тесовым крестом.

Утром срубил я тебя, браконьерствуя,
в гулком лесу.
Крякнул короткий топорик армейский.
В дверцы втолкнули тебя на весу.

Что ты наделало, пьяное дерево!
Свет пережгла, не смущаясь ничуть.
«Если хотите, чтоб все — как до этого,
можете дом свой перевернуть».

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

**Что ты наделало, глупое дерево!
Можно ли выдержать в сердце лесном,
что и людскому уму не доверено —
темные смены пьяных времен?**

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

КОМПЛЕКС

Боксер пытит в полотенцах,
хоть с детства был трусоват.
Комплекс неполноценности,
хватит комплексовать!

Экс-чемпион по серости
штурмует Гослитиздат —
комплекс неполноценности,
хватит комплексовать!

А в русских озерах ноет
печаль такой синевы,
как будто они виновники
сыновней людской вины.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

Когда вымирают пуши
и реки дотла горят,
кто виноватый? Пушкин!
Поэт всегда виноват.

Природа не виновата,
что сын у нее debil.
Поэт виноват набатно,
что совесть не пробудил.

Когда у Черного моря
на дне асфальт нефтяной,
то этому черному горю
только поэт виной.

Он не созвал на вече,
не крикнул, как в газават:
«Комплекс бесчеловечности,
хватит комплексовать!»

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

НОВОСЕЛЬЕ

Человек несет по свету стол
на спине, как нужно со столами,
будто мебель в небе расставляет.
А когда он выпить отошел,
стол висеть в пространстве оставался.

Ангелы сидели за столом,
завтракали, вниз челом висели.
К ночи он вернулся, утомлен.
Присоединился к новоселью.

У столов, небесных и волшебных,
званные сидят с шести сторон.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

**В скольжение юзом — специфичность.
Но все-таки я повернул.
На полной скорости вцепившись
не в руль — а в абсолютный нуль.**

**И мне навстречу из Калуги
летели в отблеске луны
в рули вцепившиеся люди —
как в абсолютные нули.**

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЩИПОК

Андрею Тарковскому

Блатные москворецкие дворы,
не ведали вы, наши Вифлеемы,
что выбивали матери ковры
плетеной олимпийской эмблемой.

Не только за кепарь благодарю
московскую дворовую закваску,
что, вырезав на тополе «люблю»,
мне кожу полоснула безопаской.

Благодарю за сказочный словарь
не Оксфорда, не Массачусетса —
когда при лунном ужасе главарь
на танцы шел со вшитую жемчужиной.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

Наломано, Андрей, вселенских дров,
но мы придем — коль свистнут за подмогой...
Давно заасфальтировали двор
и первое свиданье за помойкой.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПОРТОВАЯ СТОЙКА

Какого дьявола ты ждешь,
какого дьявола?
Какая склёшенная ложь
войдет отъявленно?
И там у стойки для галош
над мутной склянкою
какому ангелу ты лжешь,
какому ангелу?

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Сестрица моя в женском вырезвители!
Обидели...»
Как при водолюбце Владимире Крестителе,
бабья революция воет в вырезвители.
Что там пририсовано на стене «Трем витязям»?
Полное раскрытие в вырезвители.
«Дома норму выдайте, на работе выдайте,
дорогие бабоньки, устала от житья.
Муж придет, как выдоен. Я не меньше выдую.
Станем себе сами братья и мужья».
«Я тебя, сестричка, полюбила в хмеле.
Мы с тобой прозрели в ледяной купели.
Давай жить нарядно, словно две наяды,
купим нам фиалки, поступим в институт.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

МАСТЕРСКАЯ

Взад-вперед походкой челночной,
перед тем, как уйду во тьму,
оставляю берег простроченный
и лоскут заката к нему.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Выгнувши шею назад осторожно,
сразу готовая наутек,
утка блеснула на лунной дорожке —
с черною ручкою утюжок.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

НАД ОМУТОМ

Девочка с удочкой, бабушка с удочкой
каждое утро возле запруд —
женщина в прошлом и женщина в будущем —
воду запретную стерегут.

Как полыхают над полем картофельным
две пробегающих женских зари!
Как повторяется девичьим профилем
профиль бабушкин изнутри!

Гнутые удочки, лески капронные
в золоте омута отражены,
словно прозрачные дольки лимонные.
Но это кажется со стороны.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

То ли мужик перевелся в округе?
Юбки упруги. В ведрах лещи.
«Бабушка, правда есть рыба бельдюга?»
«Дура, тащи!»

Как хороша эта страсть удивившая!
Донная рыба рванет под водой.
И, содрогнув, пробежит по удилицу
рыболовецкий трепет мужской.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

* * *

Все конкретней и необычайней
недоступный смысл миропорядка,
что ребенка приобщает к тайне,
взрослого — к отсутствию разгадки.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ШАХМАТНОЕ ОЗЕРО

Озеро отдыха возле Орехова.
Гордо уставлена водная гладь
в гипсовых бюстах — кто только приехал,
в бронзовых бюстах — кому уезжать.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

ГОЛОС

Ловите Ротару
в эфирной трансляции,
ловите тревогу
в словах разудалых.
Оставьте воров,
милицейские рации,—
ловите Ротару!

Я видел:
береза заслушалась в заросли,
надвинув грибы,
как наушников пару,—
как будто солистка
на звукозаписи
в себя удалилась...
Ловите Ротару.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Порою
из репертуара мажорного
осветится профиль,
сухой как береста,
похожий на суриковскую Морозову,
и я понимаю,
как это непросто.

И волос твой долог,
да голос недолог.
И всех не накормишь, по стройкам
летая.

Народ голодает — на музыку голод.
И охают бабы — какая худая!..

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

* * *

Ну, что ты стесняешься
пошлого танго,
как лабух стесняется
божьего дара,
его заглушив ресторанными тактами —
та-ра-ра...

Ты сам написал его
в пору безденежья,
но в нищую ноту
прорвалась народная...
Ты выразил в ней
современную женщину
с дурным огоньком
старомодной смородины.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ИЗ ДАВНЕГО ДНЕВНИКА

Ты сожмешься в комок неужданно.
Я тебе подоткну пальто.
Чтоб от Северного до Южного
всем твоим полюсам тепло.

Все летаем с тобой, летаем,
пристегнувшись одним ремнем.
Завтрак в Риге, а ужин в Таллине.
Там вздремнем.

Но на самой заброшенной трассе
снова примутся узнавать.
И на их вездесущее «здрасьте»
крикнешь: «Здравствуйте, так вашу мать...»

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

Но когда ты выходишь на сцену,
у меня замирает в ушах
от такого высотного крена,
аж земля из-под кресла ушла.

За кулисами будет нашествие.
Толкотня.
Равнодушно и сумасшедше
в сантиметре пройдешь от меня.

Я пойму, что погодка летная,
по едва приоткрытому рту,
что курсируют самолеты
на Одессу и Воркуту.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

СПАСИТЕЛЬ

Когда устали в небесах скитаться
и ноги от полета затекли,
нас принял, согласившийся по рации,
аэродром нежданной земли.

И, приближаясь к нам из благодати,
указывая круг, где надо сесть,
сигнальщик, как ожившее распятое,
махал руками и не мог взлететь.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

* * *

За тобою прожженные годы,
за тобой оскверненный словарь,
я с тебя, как срывают погоны,
свои четверостишья сорвал.

Я лишаю тебя гражданства,
и, как серьги — толкая взашей,—
все слова, что ты мной награждалась,
вырву с мочками из ушей!

Я сдираю с тебя песнопенья.
Убирайся, какая пришла!
Как пропаща ты безнадежно.
Как по-прежнему хороша.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Распрямились года, как вода.
От жемчужного сна озорного
не осталось в душе и следа.
Но осталась заноза.

Нож возьму, не ропща, не мудря.
Соперировать — экая малость!
Чисто вырезал — до нутра.
Аж наружу зияет дыра.
Но заноза осталась.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

30 МАРТА

Хороши, как никогда,
мартовские хохота!
Выходите хохотать —
комы снежные катать.
В лица вражеских атак
научитесь хохотать,
не по поводу — а так!

Завтра 1-е апреля.
Скажут: «Хиль звончее Бреля»,
рестораны вмиг окажутся
все отличнейшего качества.

А сегодня — хлопья эха,
завалило трассу смехом

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

выходите хохотать —
в зад автобусы толкать.
Хохот хорошо с лимоном,
хохма — мудрость миллионов.
Дурак может укатать,
но не может хохотать.

Эти хохоты свободы
завершает лепота —
благовещенских соборов
золотые хохота.

Выбегай похохотать —
слезы мехом утирать.

Сколько лет мы не смеялись,
сколько было бедных дней
без смешливости сияльной,
бриллиантовой твоей!..

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

ОКНО

В доме негусто, но пиршество взору.
В рамах шикарная нищета:
свищут скворцы на верхушке березы,
как бубенцы на макушке шута.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

САУНА

Божественно после парилки
в реликтовом озере Рильке!..

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

СТАДИОН

Дух и тело — чужаки?
Либо — либо?
Уважаю Лужники —
смесь Олимпий и Олимпа.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Медновзметенная гора,
которой ужаснулся Пушкин,—
танковый памятник Петра
грозит опущенною пушкой.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

* * *

Не понимать стихи — не грех.
«Еще бы,— говорю,— еще бы»...
Христос не воскресал для всех.
Он воскресал для посвященных.

Чтоб стало достоянием всех,
гробница, опустев без тела,
как раковина или орех,—
лишь посвященному гудела.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Е.В.¹

Как заклинание псалма,
безумец, по полю несясь,
твердил он подпись из письма
«Wobulimans».

«Родной! Прошло осемнадцать лет,
у нашей дочери — роман.
Сожги мой почерк и пакет.
С нами любовь. Wobulimans.
P. S. Не удался пасьянс».

¹ По недавней догадке Л. Кондрашенко, нераскрытая подпись письма к Пушкину принадлежит Е. Воронцовой и является зашифрованной анаграммой.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

Мелькнет трефовый силуэт
головки с буклями с боков.
И промахнется пистолет.
Вобюлиманс — С нами любовь.

Но жизнь идет наоборот.
Мигает с плахи Емельян.
И всё Россия не поймет:
С нами любовь — Вобюлиманс.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ПЕСНЯ

Милый моряк, мой супруг незаконный!
Я умоляю тебя и клянусь —
сколько угодно целуй незнакомок.
Всех полюби. Но не надо одну.

Это несется в моих телеграммах,
стоном пронзит за страну страну.
Сколько угодно гости в этих странах.
Все полюби. Но не надо одну.

Милый моряк, нагуляешься — свистни.
В сладком плену или идя ко дну,
сколько угодно шути своей жизнью!
Не погуби только нашу — одну.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ГАМБУРГ-РЕТРО

Стилем «ретро» сменяется «порно»,
полно,
Воланд, срежьте со шляпы воланы —
поешьте лагерную баланду!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ТРАССА СМЕРТИ

На мотив Любомира Левчева

Я купил «мерседес», я по-вашему турок,
экономивший в Руре на жратве и сортирах.
Я к себе возвращаюсь через ваши культуры —
византийский окурок, лечу в Византию!

Трассой смерти зовется такая дорога.
(ФРГ — мимо Софии — в Айя-Софию.)
Словно совесть, зовут указатели «к Богу!».
Позабыв Византию, летим в Византию.

Люди выбросят палец, прося подвезти их,
императорским жестом: «Умри, гладиатор».

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

Слово «бог» опустело, как улья пустые.
Я святою водою залил радиатор.
Потеряв Византию, летим в Византию.

Возвращаемся к женщине. Но жилье опустело.
Ах, как мне она пела на море чернейшем!
Христианская Нимфа — прощально и грешно...
А наклонит лицо — в золотом ее теле
отразятся зрачки, как четыре черешни.

Возврати меня в веру, как зов атавизма,
Византия, верни мне транзитную визу!
Врежусь в встречные фары твои золотые...
Византии не будет. Летим в Византию.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Когда звоню из городов далеких —
господь меня простит, да совесть не простит,—
я к трубке припаду — услышу хрипы в легких,
за горло схватит стыд.

На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь,
чтоб не спугнуть во мне наитья благодать.
И черный потолок прессует, как Малевич,
и некому воды подать.

Токою как глухарь, по городам торгую,
толкуют пошляки.
Ударят по щеке — подставила другую.
Да третьей нет щеки.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

КУЗНЕЧИК

М. Чаклайсу

Сыграй, кузнечик, сыграни,
мой акустический кузнечик,
и в этих музыках вкуснейших
луга и август сохрани.

Сыграй лесную синеву,
органы лиелупских сосен
и счастье женщины несносной,
которым только и живу.

Как сладостно, обнявшись, спать!
А за окошком долго-долго

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

в колках древесных и восторгах
заводит музыку скрипач...

Сыграй, зеленый меломан.
Роман наш оркестрован грустью,
не музыкальная игрушка,
но тоже страшно поломать.

И нам, когда мы будем врозь,
дрожа углами ног нездешних,
приснится крохотный кузнечик —
как с самолета Крымский мост.

Сыграй, кузнечик, сыграни...
Ведь жизнь твоя еще короче,
чем жизни музыкантов прочих.
Хоть и невечные они.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ПЕВЕЦ

Прославленная тень!
О чем кричит надсадно
пластинка — как мишень,
пробитая в «десятку»?

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ВИЙОН

Я желаю, чтоб жили вешне!
Чтоб на виселице в городке
амнистированный повешенный
крутил «солнце» на турнике.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

СОНЕТ С УЗЛОМ

У тебя развязался шнурок,
и, согнувшись, как прут для корзины,
в узел пальцами рук и ног
ты завяжешь упругую спину.

Ах, какого движенья урок!
Ты сожмешься в сонете пружинной,
и свободного свиста залог
в миг, как только тебя я покину.

Что за свежесть в себе растворять
мир движений твоих золотых,
повторяю — какое везенье!
Ожиданье тебя потерять.
Изо всех состояний твоих
обожаю движенье.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Е. В. Ж.

Стоило гроши и вдруг алтын.
Ложная растет дороговизна.
Ценность измеряется одним —
единицей вложенности жизни!

Йог ладонью режет без ножа.
Схимник четверть жизни в бомбу вкопит.
Сядет обнаженный на ежа —
10 лет вложил он в этот опыт.

Сколько лет темницы в мятеже?
Сколько лет страданья на страницу?
Все определимо е. в. ж. —
непоколебимой единицей.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

Ею даже возраст отдадим.
Глянь на моложавую кобылку —
с нею жизнь вложили сто мужчин,
будто в коллективную копилку.

Мера неизменная — талант,
он дается щедрым и беспечным,
что однажды жажду утолят
самым золотым обеспечением!

Не таи талантов, человек.
Путь фальшив, но не фальшива гибель.
Весь себя вложи в единый чек!
Только в ту ли кассу чек ты выбил?

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ИЗ ДНЕВНИКА

Неужто это будет все забыто —
как свет за Апенниннами погас:
людские государства и события,
и божество, что пело в нас,
и нежный шрамик от аппендицита
из черточки и точек с боков —
как знак процента жизни ненасытной,
небытия невнятных языков?..

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ДОЖДЬ ПРОШЕЛ

Словно ввели в христианство тебя,
роща, омытая будто язычница.
Как звонко эхо после дождя!
Как после слез твое сердце отзывчиво!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

КОШКА

У женщины кошка пропала,
как если пропало дитя.
С работы она приходя,
все смотрит налево, направо.

Подумаешь, кошка, делов-то!
В дому нелюдимая мгла.
Ждала, за подругу была.
Кому-нибудь скажешь — неловко.

Бывало, хозяйка болеет,
а кошка — у ней на груди.
Из лап кренделек впереди.
В ночи ее грудка белеет.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

Хорошим была домочадцем.
И надо привыкнуть и жить.
Попробовать свет не тушить,
чтоб в темень не возвращаться.

Сейчас она двери запрет,
поставит у двери кошелку.
И не раздеваясь, ревет —
как будто рыдает о кошке.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Малина и крапива.
Зеленое и розовое,
дурнушка и красивая!
Подружки инородные.
А позади береза
закинута пугливо,
дрожа от ягод розовых —
как ноги от крапивы.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

* * *

В больничном саду воскресник.
На липы и на дубы
халатики, встав на лесенки,
накладывают бинты.

Халатики отлетели!
Но снятся дубам с тех пор
ментоловые метели
взволнованных медсестер.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

КАБИНЕТ

Как хорошо найти
цветы «ни от кого»!
Всю ночь с тобой на ты
фиалок алкоголь.

Ничьи леса и гать
вздохнули далеко.
Как сладостно слагать
стихи ни для кого!

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Котенок, кутенок, китенок,
в отличие от ребят,
всегда с наступленьем потемок
шагают, плывут и летят.

Кутенок мяукает с мышью.
Котенок по морю плывет.
Китенок летает над крышей
с фонтанчиком, как вертолет.

Да здравствует дружба с пеленок!
Куда запропала тетрадь?
Котенок, кутенок, китенок,
пора научиться писать!

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

* * *

Мужчины с черными раскрытыми зонтами,
с сухими мыслями и мокрыми задами,
куда несетесь вы бессмысленною ночью
на черных парусах, пираты-одиночки?

Удача ваша, что вам молодость сулила,
прошла, горизонтальная, над вами —
как велосипед сюрреалиста —
вращаясь спицами под вашими зонтами.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

★ ★ ★

Нас посещает в срок —
уже не отшучусь —
не графоманство строк,
а графоманство чувств.

Когда ваш ум слезлив,
а совесть весела.
Ищет какой-то слив
седьмого киселя.

Царит в душе твоей
любая дребедень —
спешит канкан любвей,
как танец лебедей.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Но не любовь, а страсть
ведет болтанкой курс.
Не дай вам бог подпасть
под графоманство чувств.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

ПОЧТА ТЕЛЕПОЭТА

«Уважаемый тов. ТВ!
У меня вопрос к тебе:
твои рифмы не тае,
где купить ковер в Москве?»

«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
почитайте о любви.
Мисс TV».

«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
а зеленый крокодил
выделяет хлорофилл?»

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

«Уважаемый тов. ТВ,
шлю Вам песню о Неве:
«Как пошел драгунский полк,
содрогнулся дамский пол».

«Вы вчера передавали
рыбу в кляре.
Умоляю, повторите,
никому не говорите».

«Я рожден после трамваев.
Моя мама — Магомаев.
Вышли сотню или две».
«Уважаемый тов. ТВ,
у меня вопрос к тебе:
Если волка поливать — он квакает?
Умещается ли С. в фольксвагене?»

«Уважаемый АВ,
что сказать твоей вдове?»

Я люблю, как черт по вызову,
вылезать из телевизору,
и квартирною Москвой
побродить, как домовой.
В тебе резкость переводят,
при тебе детей заводят,
тебе пишут при тебе:
«Уважаемый тов. ТВ!..»

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

КРЕДО

Иду на Человек с головою песьей,
иду на Зверь с человеческой спесью,
иду на Вор с соловьиной песнью.

«Иду на Вы» — этот клич опробовали
все от Святослава до Роберта.
Иные битвы — иные опыты.

Но я иду темнотою изрезан,
чтобы услышать из темноты
пропащий отзыв из чащи леса:
«Иду на Ты!»

Мы все родились искать ответа,
«на ты» нам — чаща, «на ты» — цветы.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

«Иду на Вы» — это щит поэта,
а смысл поэта — идти «на ты»!

Иду на Ты, человеке дивный,
в снегу целую твои следы.
Неразумеющие, идите вы...
Иду на Ты!

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

МЕНАДЫ

«Меняю Зюзино на Пресню.
Меняю Зыкину на Пресли.
Меняю мужа с двумя внуками
на бортмеханика во Внукове.
Меняю дом, который сносят,
на дом, чья стройка под вопросом.
Меняю друга одной приятельницы
на мужа одной писательницы.
Меняю масло на чеканку.
Меняю Сочи на Чикаго.
По курсу — один к четырем,
с полосой не берем.
Отдам сарай с канализацией,
где все течет и все меняется.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Друг, постой за меня год за трельяжем,
а я посижу за тебя год за кражу...
Пока ходил менять фамилию,
меня за Бремом обменяли.
Не тот мой дом, не те картины,
и в зеркале не тот мужчина.
Ищу район (пусть без метро) —
где нет Обменного Бюро!»

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНИЯ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- Вот квартира поэта. Вот перо на ампирном бюро...
- А что такое «перо»?
- Им водили рукою Державин, Матвей и Лука...
- А что такое «рука»?
- Это род рычага,
превращавший идею в создание, высекающий на века:
«Человек — это смысл мироздания»
«Человек будет славен вовек».—
- Как вы выразились? — «человек»?

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЗОЛОЧЕНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Твоя «Волга» черная гонит фары дальние
в рощи золоченого разочарования.

Воли лазер чертовый, материнство раннее
мчится в золоченое разочарование!

Посулили золото — дали самоварное.
И зарей подчеркнуто разочарование,

над равниной черною и над тучей рваною
плачет золоченое разочарование!

В роще пыль алмазная, как над водопадом.
Просит притормаживать в пору листопада.

Не гони, шоферочка! Берегись аварии
в это золоченое разочарование.

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЬЯ

* * *

Мы все забудем, все с тобой забудем,
когда с аэродрома улетим
из города, где ресторан «Распутин»,
в край, где живет Распутин Валентин.
В углу один, покинутый оравой,
людское одиночество корит:
«Завидую тебе, орел двуглавый,
тебе всегда есть с кем поговорить».

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

КНИЖНЫЙ БУМ

Попробуйте купить Ахматову.
Вам букинисты объяснят,
что черный том ее агатовый
куда дороже, чем агат.

И многие не потому ли —
как к отпущению грехов —
стоят в почетном карауле
за томиком ее стихов?

«Прибавьте тиражи журналам», —
мы молимся книгобогам,
прибавьте тиражи желаньям
и журавлям!

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

Все реже в небесах бензинных
услышишь журавлиный зов.
Все монолитней в магазинах
сплошной Массивий Муравлев.

Страна поэтами богата,
но должен инженер копить
в размере чуть ли не зарплаты,
чтобы Ахматову купить.

Страною заново открыты
те, кто писали «для элит».
Есть всенародная элита.
Она за книгами стоит.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

СЕВЕР

Островам незнакома корысть,
а когда до воды добредаем,
прилетают нас чайки кормить
красотою и состраданьем.

Красотою, наверно, за то,
что мы в людях с тобой не погibli,
что твое золотое пальто
от заката лоснится по-рыбьи.

Состраданьем, наверно, за то,
что сквозь хлорную известь помёта
мы поверили шансов на сто
в острый запах полета.

ВЕЧНОЕ МЯСО

ПОЭМА

Летом прошлого года я побывал в Якутии. Там-то и было найдено мясо мамонта, пролежавшее в вечной мерзлоте 13 тысяч лет и сохранившее дыхание жизни.

Мясо дали попробовать собакам. Те ели с удовольствием. С подаренной мне шерстью этого мамонта я вернулся в Москву, где в июле проходила встреча с американскими писателями.

В поэме, как и в жизни, понятно, фантастика и шутейное граничит с серьезным. Я пытался соединить в ней мелодику якутского и русского эпоса.

ВЕЧНОЕ МЯСО

ПРОЛОГ

1

**Псы XX-го века рвут мамонтово мясо.
Его извлекли из мрака нефтяники, роя трассу.
Свидетельствуют собаки, что мясо живое. Ясно!**

**В том мясе розовато-матовом таилась некая странность,
едва его нож отхватывал, оно на глазах срасталось.
Чем больше рвали от мамонта — тем больше его оставалось.**

**Да здравствует вечное мясо, которое жрут собаки!
Тринадцатитысячелетняя кровь брызжет на бензобаки.
Но несмотря на тварищ, жизнь полнится от прироста —
чем больше от нее отрываете, тем более остается...**

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

СОБЛАЗН

**Посапывал мамонтенок, от времени невредимый...
Оттаивал, точно тоник, на рыжих шерстинках иней.
Водители пятитонок его окрестили Димой.**

2

**Зачем разбудили Диму!
На что ты обиделся, Дима!
Зачем, аксельрат родимый,
растоптал ты Заготпушнину
и взялся за Дом колхозника!**

**Он ответил: «Ищу Охотника,
что мне порвал сочленение
в третье тысячелетие».**

**Зачем ты бушуешь, Дима!
Громишь галереи картинные
усопших основоположников
и здравствующих кусошников!**

**Он ответил: «Ищу Художника,
что дал мне в скале бессмертие
в третье тысячелетие».**

3

**Мамонт пролетел над Петрозаводском,
трубя о своем сиротстве.
— «Олохолуу!» —
Чем больше от сердца отрывается,
тем больше на сердце остается.
Холодно одному.**

ВЕЧНОЕ МЯСО

1. ПРОХОРОВ

Завбазой Димитрий Прохоров
тоже мясца попробовал.
«Я мамонт,— вопит,— я мамонт!»
Жена его не понимает:
«Мундук ты муж, а не мамонт,
все не просыхаешь, Прохоров.
Принес бы вечного мяса,
мы стали б ударной базой,
родне бы послали окорок,
на рынок возили б — плохо ли!
Где порох мужской твой, Прохоров!
Месяц меня не касается».

Но Прохоров не внимает.
Из хобота в душевой обливается.

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

СОБЛАЗН

**«Я мамонт,— вопит,— товарищи,
в семье и на производстве.
Чем больше от себя отрываешь,
тем больше на сердце остается».
И в глазах у него истома.
Так Прохоров ушел из дома.**

2

**Мамонт пролетел над Воронежем,
как будто память злосчастная,
чем ее больше гонишь,
тем больше она возвращается.
— Олохолуу! —**

**Мамонт пролетел над Аризоной,
трубя по усопшим предкам —
«Как захолустно, ау!»—
его принимали резонно
за непознанные объекты:
«олохолуу!»**

3. НА БАЗАРЕ

**Трубач Арлекин Тарелкин,
аллергик,
труба мирового класса,
не взял на базаре мяса.
[7 р. показалось ему странным.]
Оскорбился трубач ресторанный,
покрутил ключом от «мерседеса»,
и задумал трубач паскуду:**

ВЕЧНОЕ МЯСО

**«Мои легкие — безразмерны.
Я вдую в себя атмосферу,
а выдувать не буду».**

**После первой затяжки
он ростом стал со слоненка,
после второй затяжки
глаза вылетели как шампанское,
после третьей затяжки
на рынке дефицит кислорода.**

**А трубач взлетал над народом,
раздувался все больше, больше,
подымался все выше, выше,
и все меньше в глазах становился.**

Ключик с небес свалился.

4

Или это лже-Дима?

5

**Мамонт пролетел над разинями,
не слоник из мармелада —
помните, беда разразилась,
когда вскрыли гроб Тамерлана.
Не трогайте мир мемориальный.
Олохолуу!**

6. КАССИРША

**Кассирша авиакассы
тоже вкусила мяса.**

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

СОБЛАЗН

Кавалеров не забывает,
а любовь в ней все прибывает.
Какая она красивая!
Пышнее киноактрисы.
Ей тесно в тужурке синей,
с косой золотой австрийской!
Диспетчерша острит, точит лясы:
«Проверяйтесь, не отходя от кассы».
Но на сердце у девушки — проголодь...

Пролетал ее шурин, Прохоров,
пролетал Тарелкин, мужчина,
Омский хор пролетал на Вену.
Сына ей надо, сына...

Мамонт мой, маленький комарик,
царевич — неубиенный!

7

Мамонт пролетел над Коломенским,
загнувши салазки бивней —
олохолуу! —
чем больше друзей хоронишь,
тем память их неизбывней.

Сколько я хороню...

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прямо с аэродрома,
шерстью мамонтовой бахвалясь,

ВЕЧНОЕ МЯСО

накрутив, как кольцо, на палец,
я явился в Дом литераторов.
Там в сиянии вентиляторов
заседало большое Лобби:
Ваксенов, Прохоров, Олби,
Макгибин с мелкокалиберкой
и отсутствующий Лоуэлл,
бостонец высоколобый,
что некогда был Калигулой.

Я им закричал: «Коллеги!
Охотники и художники!
Отныне мы все задолжники
бессмертно вечного мяса.
Мы живы и не во мраке,
пока нас грызут собаки!»

Лоуэлл не засмеялся.

Лишь колечко растер перстами,
будто пробовал лист лавровый...

Ты умрешь через месяц, Лоуэлл,
возвращаясь в такси оплошном
от семьи своей временной — к прошлой,
из одной эпохи в другую!

Закрутились нули таксиста
где-то в области метафизики,
мимо Рима, Москвы, Мемфиса,
мамонт белый и мамонт сизый,

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

пронеслась — и на том спасибо —
жизнь, золотая тайна,
милостыня мирозданья.

9

Мамонт пролетел над Волгоградом,
мамонт пролетел над Ворошиловградом,
мамонт пролетел над Царьградом,
мамонт пролетел над становьем Кы,
с хвостиком, как запятая Истории,
за которым последует столько.

За 13 тыщ лет до Маркеса,
за 11 до христианства
и в печенке вечного мяса,
вгрызаясь, висли собаки.
Мамонты разлетались, однако.

Покидая мир многошумный,
он летит к стеклянному чуму,
где сидят Олох и Олуу¹—
Время льют в пиалу.

Увидавши тень на полу,
отбившуюся от эпох,
«Он мой»,— говорит Олуу.
«Ух тебе»,— говорит Олох.

¹ О л о х — жизнь; О л у у — смерть (якутск.).

ВЕЧНОЕ МЯСО

10. ВЕРНИСАЖ

На выставку художника Прохорова
народ валит, как на похороны.
«Не давите!»— кричат помятые,
оператор кричит: «Снимаю!»,
кто умен, кричит: «Непонятно!»,
а дурак кричит: «Понимаю!»
Были: коллекционер Гостаки,
Арлекин Тарелкин с супругой,
блондиночкою упругой,
композитор Башляк с собакой.
Толкались, как на вокзале.

Прохоров пришел в противогазе.
«Протестует,— восхищаются зрители,—
против духоты в вытрезвителе».

Вы помните живопись Прохорова!
Главное в ней — биокраски.
Они расползаются, как рана,
потом на глазах срастаются.
Наивный шпиг композитора
аж впился в центр композиции.

Прохоров простил болонку:
«Я мыслю тысячелеткой.
Мне плевать на понимание потомков,
я хочу понимания предков,
чтоб меня постиг, понимающ,
дарующий смысл воспроизводства:

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

чем больше от себя отнимаешь,
тем более остается».

Тут случилось невероятное.
Гостяки раздал свою коллекцию,
Тарелкин супругу дал товарищу,
Башляк свою мелодию
подарил Бенджамину Бриттену.
Но странно — чем больше освобождались,
богатства их разрастались:
коллекция прибывала,
супруга на глазах размножалась,
мелодии шли навалом.
Но тут труба заиграла.

Заиграла, горя от сполохов,
золотая труба Тарелкина.
Взяв «Охотничье allegro»,
«Нет! — сказал ревнивый Тарелкин.—
Я тебя вызываю, Прохоров!
Мы таим в своем сердце Время,
как в сокровищнице Ширази.
Мы — сужающиеся вселенные,
у тебя ж она — расширяется.
Ты уводишь общество к пропасти,
ты нас всех растворишь друг в друге.
Я тебя вызываю, Прохоров,
за поруганную супругу!»

Начал дуть трубадур трактирный,
начал нагнетать атмосферу,

ВЕЧНОЕ МЯСО

посрывало со стен картины,
унесло их в иные сферы.

«Подражатель Тулуз-Лотрекин,
отучу тебя от автографов».
«Да!» — сказал ревнивый Тарелкин.
«Нет», — лениво ответил Прохоров
и ударил Тарелкина по уху.

Бой Охотника и Художника,
перед бабой и небесами!
Визг собак, ножей и подножек.
У обоих разряд по самбе.

Чем окончится поединок!

Но этаж обвалился с грохотом,
и с небес какой-то скотина,
подражая печному гулу,
проорал: «Побратим мой Прохоров,
я — Дима!»
И добавил: «Олохолуу!»
Больше не видели побратимов.

11. ГОЛОС

Раздайте себя немедля,
даруя или простивши,
единственный рубль имея,
отдайте другому тыщу!

Вовеки не загнивает
вода в дающих колодцах.

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

Чем больше от сердца отрываешь,
тем больше в нем остается.

Так мать — хоть своих орава,—
чужое берет сиротство,
чем больше от сердца отрываешь,
тем больше в нем остается.

Люблю перестук товарный
российского разноверстья —
сколько от себя оторвали,
сколько еще остается!

Какое самозабвенье
в воздухе над покосами,
как будто сердцебиенье,
особенно — над погостами.

Под крышей, как над стремниной,
живешь ты бедней стрижики,
но сердце твое стремительное
других утешает в жизни...

Пекущийся о народе,
раздай гонорар редчайший,
и станешь моложе вроде,
и сразу вдруг полегчает.

Бессмертие, милый Фауст,
простое до идиотства —
чем больше от сердца отрываешь,
тем больше жить остаешься.

ВЕЧНОЕ МЯСО

**Раб РОСТА или Есенин
не стали самоубийцами,
их щедрость — как воскресение,
звонит над себялюбивцами.**

**Нищему нет пожаращ.
Беда и победа — сестры.
Чем больше от сердца отрываешь,
тем больше ему достается.**

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОБЛАЗН

ЭПИЛОГ

**Почему онемела комиссия,
вскрыв мамонтово захоронение!
Там в мерзлоте коричневой
севернее Тюмени
спят Прохоров и Тарелкин,
друг друга обняв, как грелки.
Мамонты-бедолаги,
веры последней дети...**

**Попробуйте их, собаки
новых тысячелетий.**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУВСТВУЮ — СТАЛО БЫТЬ, СУЩЕСТВУЮ

Сага	7
Грех	9
Свет	11
Антверпен	12
Мать	14
Якутская Ева	16
«Я загляжусь на тебя, без ума...»	19
Нечистая сила	20
Скульптор свечей	22
Пейзаж с озером	24
Месса — 04	26
Пиета Микеланджело	28

Реплика в экологической дискуссии	29
Уездная хроника	30
«В пору, когда зацветает акация...»	34
Школьник	36
Частное кладбище	38
Часы посещения	40
Травматологическая больница	42
Строители	44
Гибель оленя	46
Римская распродажа	48
Рукопись	50
Другу	53
«Знай свое место, красивая рвань...»	54
Римский водитель	55
Соблазн	57
Ода одежде	59
Испанская песня графа Резанова из оперы «Юнона и Авось»	61
Звезда над Михайловским	62
Воспоминания о земном притяжении	63
Лесная музыка	65
Фары дальнего света	67
Почему...	68

ТАКОЕ ЖЕ — И ВСЕ ДРУГОЕ

Автолитография	71
«Я год не виделся с тобою...»	75
Нырок	77
Жизнь	79
Операция	81
Дар	82

Перед рассветом	83
«Когда написал он Вяземскому...»	85
«Снимите личины...»	87
Цветы на стволе	88
«Кошкин лаз» — Цезарь-палас	90
Рифмо-гекзаметры	92
Тетка Мэри	95
«Зачем из Риги плывут миноги...»	96
Быт	97
Поминки с сенатором	98
Прощание с Венецией	100
Лесная малица	102

МИЛОСТЫНЯ МИРОЗДАНЫЯ

Верба	105
Пароход влюбленных	106
«За спиною шумит не Калинин, а Тверь...»	108
Думайте поступками	109
Чудо	111
Чары Чаплина	113
Открытка	114
Стансы	115
Елка	118
Комплекс	120
Новоселье	122
«В скольженье юзом — специфичность...»	123
Щипок	124
Портовая стойка	126
Преображение	127
Мастерская	129
«Выгнувши шею назад осторожно...»	130

Над омутом	131
«Все конкретней и необычайней...»	133
Шахматное озеро	134
Голос	135
«Ну, что ты стесняешься...»	137
Из давнего дневника	138
Спаситель	140
«За тобою прожженные годы...»	141
«Распрямились года, как вода...»	142
30 марта	143
Окно	145
Сауна	146
Стадион	147
«Медновзметенная гора...»	148
«Не понимать стихи — не грех...»	149
Е. W.	150
Песня	152
Гамбург-ретро	153
Трасса смерти	154
«Когда звоню из городов далеких...»	156
Кузнечик	157
Певец	159
Вийон	160
Сонет с узлом	161
Е. В. Ж.	162
Из дневника	164
Дождь прошел	165
Кошка	166
«Малина и крапива...»	168
«В больничном саду воскресник...»	169
Кабинет	170
Стихи для детей	171

«Мужчины с черными раскрытыми зон- ми...»	172
«Нас посещает в срок...»	173
Почта телепоэта	175
Кредо	177
Менады	179
Ненаучная фантастика	181
Золоченое разочарование	182
«Мы все забудем...»	183
Книжный бум	184
Север	186
ВЕЧНОЕ МЯСО (Поэма)	187

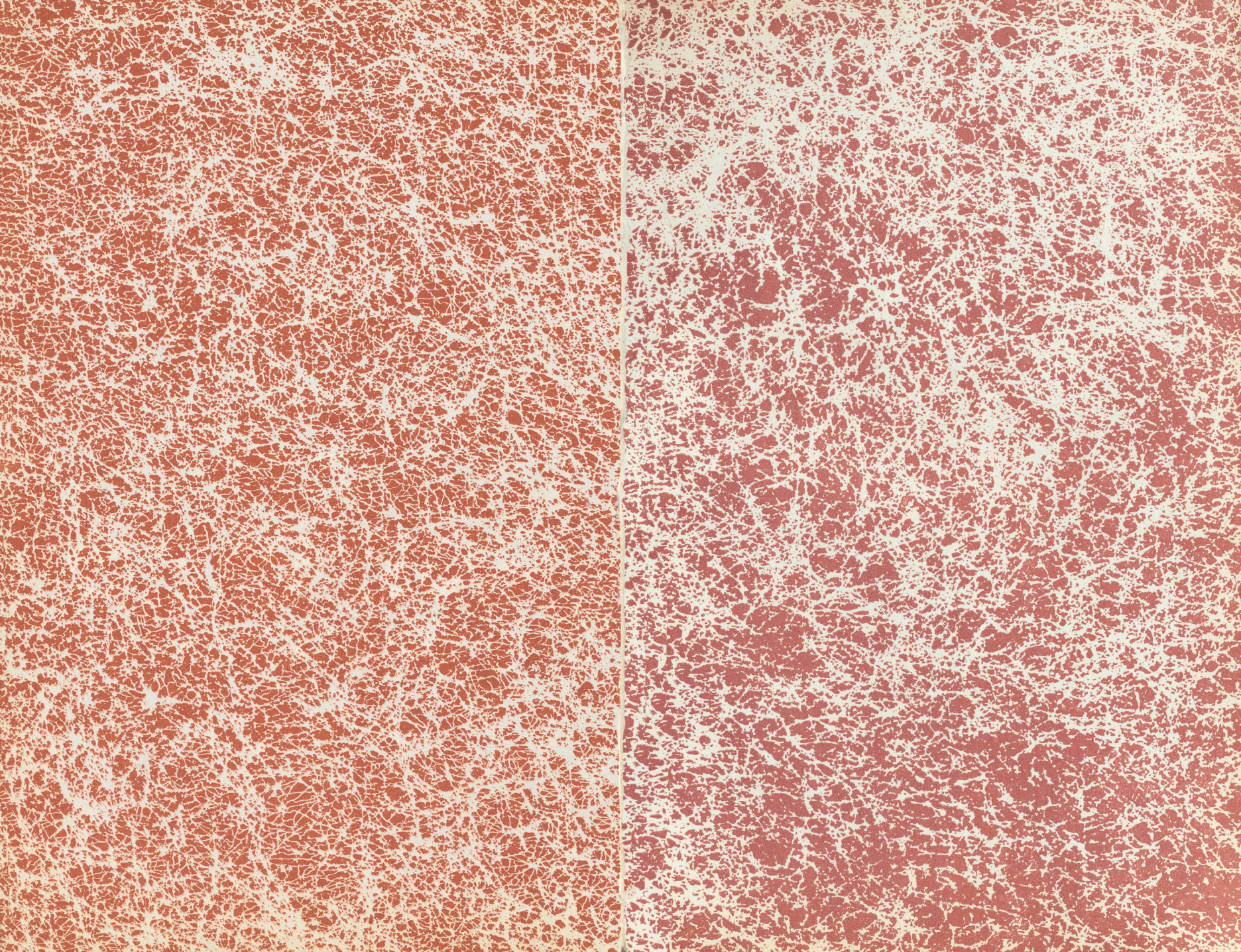
Андрей Андреевич Вознесенский

СОБЛАЗН

М., «Советский писатель», 1979, 208 стр. Б3-50-24-78.
 Редактор В. С. Фогельсон. Худож. редактор Д. С. Мухин
 Техн. редактор Р. Я. Соколова. Корректор Р. Г. Рагимова

ИБ № 1637

Сдано в набор 24.07.78. Подписано в печать 14.11.78. А 10051. Формат 84×108¹/₃₂.
 Бумага офсетная. Журнальная рубленая гарнитура. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.
 Уч.-изд. л. 4,65. Тираж 200 000 экз. (4-й завод 50 001—200 000 экз.). Заказ 610. Це-
 на 70 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.
 Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
 по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Тула, проспект Ленина, 109.

70 коп.

